

О.В. Кукушкина

ФГБОУ высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, 119991

НЕГАТИВНАЯ ИНФОРМАЦИЯ: УТВЕРЖДЕНИЕ О ФАКТЕ ИЛИ ВЫРАЖЕНИЕ МНЕНИЯ?

В статье рассматриваются основные проблемы, связанные с установлением типа негативной информации и разграничением фактов и мнений. Эта задача является одной из самых сложных в лингвистической экспертизе и требует серьезной методической разработки. При ее решении эксперт сталкивается с неоднозначностью терминов и формулировок вопросов, а также со сложностью самого объекта исследования - семантики утверждений, содержащихся в высказывании. В статье анализируется содержание основных терминов, традиционно используемых при решении этой экспертной задачи, и предлагается метод ее решения. В основе данного метода, названного "фактологическим квадратом", лежит анализ высказывания по четырем семантическим параметрам: наличию в нем утверждения о совершении действия; верифицируемости этого утверждения на основе конкретности описания действия и его потенциальной наблюдаемости; отсутствию альтернативы, т.е. указания на другую возможность; цели сообщения негативной информации. В статье также анализируются основные типы фактологической информации и приводятся конкретные примеры семантического анализа утверждений на основе предлагаемого метода.

Ключевые слова: *мнение, факт, утверждение, верификация, лингвистическая экспертиза*

O.V. Kukushkina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, 119991

NEGATIVE INFORMATION: STATEMENT OF FACT OR EXPRESSION OF OPINION?

The paper explores the key problems of establishing the type of negative information and differentiating between facts and opinions. This is one of the most challenging problems of forensic linguistics that requires a robust methodological framework to be tackled successfully. When faced with this problem, the expert has to deal with the ambiguity of terminology and wording of questions, as well as the complexity of the object of study – the semantics of statements encountered in acts of speech. The paper analyzes the content of key terms traditionally used to address this forensic problem, and offers a possible solution. The so-called "factual square" is a method based on analyzing a statement against four semantic parameters: presence of statement of past action; verifiability of this statement on the basis of specificity of description of the action and its potential observability; lack of alternative, i.e. indication of a different possibility; the purpose of conveying negative information. The paper also analyzes the basic types of factual information and offers specific examples of semantic analysis of statements using the proposed approach.

Keywords: *opinion, fact, statement, verification, forensic linguistics.*

Вопрос о разграничении мнения и факта является, как известно, одним из самых сложных в лингвистической экспертизе. С какими же проблемами мы сталкиваемся при его решении? Первая из этих проблем касается определения основного объекта анализа: что должно в первую очередь анализироваться – **форма** подачи негативной информации или же ее **содержание**? Если исходить из стандартной постановки вопроса (**В какой форме выражены сведения: утверждения о фактах или оценочного суждения (мнения)?**), то должна анализироваться форма. Это побуждает некоторых экспертов к чисто формальному подходу, при котором отслеживается только наличие/отсутствие специальных маркеров мнения. В результате информация, сопровождаемая такими маркерами, признается выраженной в форме мнения, а не сопровождаемая ими – в форме утверждения о факте.

Формальный подход дает нежелательные, явно неадекватные результаты. Так, он может привести эксперта к выводу, что в одном и том же тексте одна и та же информация выражается то в форме мнения, то в форме утверждения о факте, поскольку в одном случае показатели мнения есть, а в другом нет. Хуже, однако, другое. Правоприменитель, увидев, что в явно оценочном предложении типа *Он подлец* эксперт усматривает форму утверждения о факте (в силу отсутствия показателей мнения), может принять этот вывод за признание наличия самого факта либо вообще усомниться в возможностях лингвистической экспертизы.

Конечно, отсутствие маркеров мнения значимо с лингвистической точки зрения. Оно влияет на критичность восприятия информации, свидетельствует о категоричной форме изложения мнения и пр. Но суд интересуется не способ подачи сведений, а сам тип сообщаемого. Ср.: «Обстоятельствами, имеющими значение для дела, являются: факт распространения ответчиком сведений об истце, порочащий характер этих сведений и несоответствие их действительности»¹.

Таким образом, при отделении фактов от мнений оказывается значимой не

собственно форма подачи информации, а ее семантика, т.е. возможность проверки сообщения на соответствие действительности (верифицируемость). Поэтому эксперту нужно хорошо представлять себе, какое семантическое содержание стоит за экспертными понятиями, в которых присутствует слово «форма».

Верифицируемость обычно упоминается в научно-методической литературе не сама по себе, а в связи с формой утверждения, и прежде всего, с формой утверждения о фактах. Ср. следующее описание задачи, стоящей перед экспертом-лингвистом: лингвисты «выявляют фрагменты текста, которые могут быть верифицированы судом, потому что имеют языковую форму утверждений о фактах, выражающих знание автора, и те, которые не могут быть верифицированы, потому что имеют форму выраженного мнения» [1]. Здесь по параметру верифицируемости противопоставлены **форма утверждения о фактах** и **форма выраженного мнения**. Что за формы имеются в виду и как они связаны с истинностью (верифицируемостью)? Чтобы разобраться в этом, необходимо выяснить, как соотносятся ключевые понятия *утверждение*, *мнение* и *факт* и их «формы» и что именно «отвечает» за верифицируемость.

Понятия «утверждение» и «факт» часто используются в экспертной практике как синонимы. При этом подразумевается, что утверждение всегда может быть проверено на истинность, что эта форма сама по себе обеспечивает верифицируемость информации. Такое синонимическое использование, неразличение имеет место, например, при следующей формулировке вопроса: «*В форме утверждения или мнения изложена негативная информация?*». Факт здесь вообще не упоминается. Об утверждении как о верифицируемом типе информации идет речь, на первый взгляд, и в следующем определении: «Утверждение - высказывание (выражение мнения, суждение), в котором утверждается что-либо и в котором отражается связь предмета и его признака. Утверждение грамматически выражается формой повествовательного предложения – как невосклицательного, так и восклицательного. Утверждения могут быть истинными (соответствуют действительности) или ложными (не соответствуют действительности)» [1]. Однако здесь же упоминается и мнение, а в следующем абзаце прямо сказано о том, что утверждение

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».

– это форма, в которой может выражаться и оценочное суждение, т.е. неverified информация, мнение. Ср.: «В зависимости от характера выражаемой информации утверждение может быть утверждением о фактах (например, *Иван имеет рост 1 м. 80 см.*), оценочным суждением – субъективным мнением (*Иван высок*), в том числе негативно окрашенным (*Иван - дылда*), обобщающим утверждением – выводом (*столбы обычно высоки*) и т.д.» [1]. Для разграничения verified и неverified здесь используется понятие «факт». Что же тогда следует понимать под «формой утверждения»? Какой конкретный экспертный смысл стоит за этим понятием?

Утверждение в лингвистической семантике противопоставлено побуждению и вопросу. Эти особые виды высказываний, отличающиеся по выраженной **речевой цели** (повествовательной или побудительной). Таким образом, для утверждения важна не verified информация, а цель сообщения. Основной грамматической формой выражения утверждения является повествовательное предложение. Однако нужно учитывать, что в вопросительных и побудительных предложениях также регулярно присутствуют утверждения. Это связано с тем, что пресуппозиция высказывания всегда представляет собой утверждение, т.е. сообщение некой информации. Так, предложения *Когда ты это сделал?*, *Не делай этого больше!* и т.п. содержат утверждение 'Ты это сделал'. При работе с утверждением нельзя также путать «утверждение» и «утвердительные предложения». Сообщение об отсутствии чего-либо – это тоже утверждение (ср.: *У него нет совести* и т.п.).

Verified информация передается только в форме утверждения, но в этой же форме может передаваться и неverified. Таким образом, утверждение отличается необязательной verified информацией, немаркированностью по этому параметру. Поэтому для уточнения того, что речь идет именно о verified утверждениях, в последнее время чаще всего используется формулировка, в которую добавлено слово «факт» – «форма утверждения **о факте**». Компонент «утверждение» в ней означает повествовательный тип высказывания (имеет место сообщение, а не побуждение к ответу или действию), а «факт» – verified информация в высказывании негативной информации.

Поскольку в «форме утверждения» может передаваться и мнение, и факт, то «форме утверждения о факте» (verified утверждение) логично было бы противопоставлять «форму утверждения о мнении» (неverified утверждение). Однако анализ показывает, что понятие «форма утверждения» применительно к мнению используется не для обозначения неverified информации, а для того, чтобы указать на отсутствие при выражении мнения специальных его маркеров. Ср.: «Мнение может выражаться: 1) в форме предположения; 2) в форме утверждения. Мнение в форме предположения распознается по наличию маркеров — определенных слов и конструкций (например: *по моему мнению; мне кажется; я думаю; надо полагать, что* и др.). Мнение в форме утверждения таких маркеров не содержит» [2].

Таким образом, за регулярно используемым экспертами понятием «форма утверждения» обычно стоит следующее реальное содержание: передача информации в форме **повествовательного высказывания, не сопровождаемого маркерами мнения**. «Форме утверждения» при этом противопоставляется «форма мнения», где такие специальные маркеры есть.

Однако отсутствие маркера мнения само по себе никак не свидетельствует о том, что в утверждении имеет место изложение факта, а не мнения. И факт, и мнение могут быть выражены как со специальными показателями (маркированно), так и без них (немаркированно). Поэтому с формальной точки зрения нужно различать не форму утверждения или мнения, а маркированные (как факты или мнения) и немаркированные утверждения. Одна из главных сложностей разграничения фактов и мнений заключается именно в регулярном немаркированном способе их передачи.

Выбор немаркированного способа выражения мнения – это не проявление злого умысла говорящего, его желания выдать мнение за факт, а абсолютно нормальное для естественного языка явление. Говорящий не может и не обязан различать факты и мнение о них и еще все время сообщать адресату, что он сейчас ему излагает. Это делается лишь в специальных коммуникативных условиях. Постоянное избыточное маркирование мнения мы видим, например, в речи некоторых журналистов, которые сопровождают все свои негативные высказывания пояснением «*Это мое*

Рис. 1. Типы утверждений и экспертные формулировки

оценочное суждение!» из-за боязни юридических последствий выражения негативного мнения. Их речь выглядит при этом довольно неестественно. Вне специальных условий показатели мнения избыточны. Они нормальны в ситуации спора, отстаивания своей позиции, неуверенности и т.п. Ср.: *Он подлец* и *Я считаю, что он подлец*. Маркеры фактов также используются в особых коммуникативных ситуациях, указывающих на приобретение знания, его наличие, на его достоверный характер и т.п. (ср., например, утверждения типа «*Это факт*»). Таким образом, именно **немаркированное утверждение** является наиболее стандартным и частотным способом сообщения информации как о фактах, так и о мнении. Оно выступает как зона нейтрализации формальных различий между этими двумя семантическими типами информации.

В зоне нейтрализации, т.е. в форме утверждения, не сопровождаемого специальными маркерами, мнение выступает как формально не отграниченное от факта. Такое немаркированное мнение и называют иногда, очевидно, «мнением в форме утверждения о факте». Эту формулировку вряд ли можно назвать удачной, так как она наводит на мысль, что мнение может превращаться в факт с помощью «формы утверждения о факте». Однако семантическое различие между двумя этими типами информации сохраняется и в форме немаркированного утверждения. Поэтому приведенная формулировка приобретает какую-то осмысленность, только если понимать ее

как «мнение в форме, наиболее типичной для утверждения о факте, т.е. в форме повествовательного высказывания без специальных показателей». Но это то же самое, что и «мнение в форме утверждения». В связи с этим формулировка «мнение в форме утверждения о факте» является избыточной и еще более запутывающей.

Ниже описанное соотношение семантических типов утверждений и используемых «формальных» экспертных формулировок изображено в виде схемы (рис. 1).

Поскольку различие между фактом и мнением по своей сути является семантическим, а не формальным, более правомерными представляются формулировки вопроса, не содержащие упоминания о форме. Ср., например: *Содержатся ли в негативной информации об Х. утверждения о фактах? Если да, то какие именно?*

Чтобы отграничить факт от мнения в зоне нейтрализации (т.е. утверждения без специальных маркеров типа информации), необходим специальный анализ пропозиций, содержащихся в высказывании, т.е. семантический анализ. И здесь возникает следующая принципиальная трудность: любая негативная информация, любое мнение несет в себе сообщение о **существовании какого-то факта**, то есть обязательно содержит фактологический компонент. Факт может обходиться без мнения, но мнение без факта – нет. Оно всегда касается какого-то факта (совокупности фактов) и без него не существует. Как известно, именно факты являются для мнения отправной точкой,

информационным поводом. То есть мнение всегда вторично – это реакция на какой-то факт в виде его квалификации, оценки, выражения эмоций по его поводу, принятия какого-то решения, связанного с фактом. И язык устроен так, что при выражении мнения одновременно сообщается и какая-то информация о факте. В минимальном виде она представляет собой утверждение о самом существовании какого-то исходного факта, содержащееся в пресуппозиции любого субъективно-оценочного высказывании. Такое утверждение является необходимым условием семантической осмысленности выражения мнения, поэтому носит обязательный характер. Таким образом, негативные высказывания содержат, «распространяют» информацию сразу двух типов: (а) фактологическую: ‘имело место нечто’; (б) квалифицирующую, оценочную: ‘я оцениваю, квалифицирую это нечто как нарушение, преступление, нехороший поступок и т.п.’²

Итак, обязательность фактологической составляющей, пусть имплицитно, но выраженной, в любой негативной информации, очевидна. Но это ставит под вопрос саму возможность отнесения этой информации либо к фактам, либо к мнению: нам предлагается выбирать одно из двух (мнение или факт?), тогда как в анализируемом объекте обязательно есть и то и другое. В связи с этим возникает своего рода экспертный тупик. Как можно из него выйти?

Первый выход «нигилистический»: вообще отказаться от разграничения фактов и мнений и заявить, что это вне компетенции лингвистов. В этом случае лингвистам останется только отвечать на вопрос «Есть ли негативная информация и о ком именно?». Однако такой вопрос редко требует специальных лингвистических знаний, тогда как практическая потребность в разграничении мнения и факта очевидна, и именно здесь такие знания очень востребованы. Второй теоретически возможный выход та-

ков: можно, сославшись на обязательность фактологической составляющей, сразу делать вывод о наличии утверждения о факте в каждом негативном высказывании, даже самом субъективном. Лингвисты при этом, как и в первом случае, практически самоустраняются от решения актуальной задачи разграничения фактов и мнений, а правоприменители получают основание видеть в любом негативном высказывании «распространение порочащих сведений», что неприемлемо.

Адекватным решением проблемы, отвечающим практическим потребностям и, что не менее важно, возможностям современной лингвистической науки, является, очевидно, разделение понятий «факт» и «фактологичность». Дело в том, что далеко не все утверждения о том, что нечто произошло, являются верифицируемыми. Значительная часть из них представляет собой «фактологическое» изложение мнений. «Фактологичностью» можно называть вышеупомянутый **обязательный** семантический компонент негативных высказываний (простое утверждение о наличии некоего факта и/или его описание), а «фактом» – только определенный вид смыслового наполнения этого компонента, обладающий свойством «верифицируемость». Такое разделение позволяет извлекать из негативной информации обязательную фактологическую составляющую, а затем уже выделять из нее собственно факты, то есть ту часть негативной информации, которая может быть проверена на достоверность.

Ниже предлагаются экспертные критерии, на основании которых можно осуществлять анализ содержащихся в высказывании негативных утверждений с точки зрения лингвистических признаков, важных для дел по распространению порочащих сведений. Предлагаемый подход базируется на четырех критериях, поэтому его можно назвать **методом фактологического квадрата**. Этими критериями являются *совершенность, верифицируемость, отсутствие альтернативы и побудительная («порочащая») цель* (сокращенно «СВОП»). Первые три параметра являются основными. Они связаны с содержанием распространяемого сообщения и помогают отделить собственно факты от мнений. Четвертый параметр (речевая цель высказывания) выступает как дополнительный параметр, который может указывать на целенаправ-

² Сказанное не распространяется на оскорбление. Последнее представляет собой особый вид негативной информации, не требующий верификации. Это сообщение информации не столько об оскорбляемом, сколько о враждебно-пренебрежительном отношении к нему, демонстрация этого отношения. Во многих случаях оно не сопровождается никакой информацией о самом объекте отношения (ср. ругательства). В силу очевидной субъективности оно не нуждается в эксплицитных показателях.

ленное формирование негативного отношения к предмету речи.

Совершенство (выделение фактологической составляющей)

Фактологическую информацию можно определить как сообщение о том, что произошло, совершилось, имело место. Чтобы извлечь фактологическую составляющую негативного сообщения, нужно задать следующий вопрос: **Что он (лицо, организация) совершил негативного, по словам говорящего?** Ответ на этот вопрос может находиться в пресуппозиции утверждения (см. подробнее [3]), но он обязательно в том или ином виде присутствует в высказывании.

Принципиальное для семантики «совершенство» свойство - это отнесенность события к прошлому. Сообщения о том, что нечто может произойти, произойдет, могло бы произойти; соображения о том, что нужно делать, что кто-то хочет сделать и т.п., критерий «совершенство» сразу отсекает, относя их к сфере предположений, намерений и пр., т.е. к мнению. Это не означает, что совершенство есть только в предложениях с формами прошедшего времени. Она присутствует и в контекстах с настоящим неактуальным, описывающих продолжающиеся совершаться и в настоящем действия. Так, утверждение «Они крадут наши деньги» тоже несет в себе информацию о совершенности, поскольку подразумевает, что хотя бы раз деньги были украдены.

Ниже рассмотрены некоторые примеры экспликации фактологической и нефактологической (субъективно-оценочной) составляющих информации, изложенной в форме немаркированных утверждений.

(1) *Он совершил преступление.*

Утверждаю, что:

фактолог.: (что он сделал?) он сделал нечто;

мнение: это нечто является преступлением (квалификация совершенного действия, т.е. его оценка).

(2) *Он пользуется своим служебным положением.*

Утверждаю, что:

фактолог.: (что он сделал?) он сделал нечто, связанное со службой;

мнение: это нечто является незаконным и квалифицируется как использование служебного положения (квалификация совершенного действия, т.е. его оценка).

(3) *Они нас ненавидят и хотят уничтожить!*

Утверждаю, что:

фактолог.: (что они сделали?) они сделали нечто;

мнение: это дает основание утверждать, что они нас ненавидят и хотят уничтожить (интерпретация намерений).

(4) *Его нельзя выбирать!*

Утверждаю, что:

фактолог.: (что он сделал?) он сделал нечто;

мнение: это дает основание считать, что его нельзя выбирать (негативная оценка действий лица и выражение мнения о том, что с ним нужно делать).

(5) *Он разворовал народное добро!*

Утверждаю, что:

фактолог.: (что он сделал?) он украл/присвоил (позволил украсть) общественную собственность;

мнение: он совершил негативное, преступное действие, т.к. красть плохо (негативная оценка действия X.).

(6) *Он вор.*

Утверждаю, что:

фактолог.: (что он сделал?) он украл нечто;

мнение: на этом основании считаю его вором (квалификация личности).

(7) *Он склонен к воровству.*

Утверждаю, что:

фактолог.: (что он сделал?) он совершил некие действия;

мнение: на их основании можно сделать вывод, что он имеет наклонности вора, т.е. имеет желание, намерения красть.

Ср. следующее описание семантики аналогичного высказывания: «Высказывание *Иван склонен к коррупции* по форме является выводом, не подлежащим верификации, и само по себе не может быть проверено на соответствие действительности. Однако оно, несомненно, негативно характеризует Ивана и содержит пресуппозитивное утверждение о существовании фактов, позволяющих сделать данный вывод»³.

(8) *После этих его действий предприятие развалилось.*

Утверждаю, что:

³ Заключение комиссии экспертов-лингвистов № 39-10/12 от 22.10.2012 (Общественного объединения «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)» – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rusexpert.ru/assets/files/expertizy/3.pdf>, свободный. (дата обращения 20.03.2016).

фактолог: (что он сделал, что произошло?) 1) он совершил эти действия, 2) предприятие развалилось;

мнение: первое является причиной второго (установление виновника = причинно-следственной связи между двумя фактами).

(9) *В этом виноват он.*

Утверждаю, что:

фактолог: (что он сделал, что произошло?) 1) он совершил нечто; 2) что-то произошло;

мнение: первое является причиной второго (установление виновника = причинно-следственной связи между двумя фактами).

(10) *При проверке 87 % его текста совпало с текстом Y.*

Утверждаю, что:

фактолог: (что он сделал? что произошло?) 1) он написал текст; 2) этот текст сравнили с текстом Y; 3) совпало столько-то процентов;

мнение: не выражено. Нужен анализ широкого контекста. В нем может присутствовать «порочащее» утверждение о том, что X. заимствовал свой текст у автора текста Y.

(11) *Их полеты в нынешних условиях необходимо запретить, они опасны!*

Утверждаю, что:

фактолог: (что случилось? что они сделали?) 1) сложились нынешние условия; 2) они летали и летают в этих условиях;

мнение: 1) это делать опасно (оценка степени риска); 2) это нужно прекратить (мнение по поводу того, что нужно делать).

При анализе утверждений об опасности чьих-либо действий, требования их запрета нужно учитывать, что они не обязательно содержат в себе информацию о том, что субъект этих действий сделал нечто негативное, нарушил нечто. Такой вывод из данных утверждений вероятен, но необязателен, т.е. носит факультативный характер. В сложившейся ситуации может быть виноват не сам «деятель», а кто-то иной (природа, другие люди, не создавшие необходимых условий для устранения риска, и пр.). Поэтому требуется установить, кого именно говорящий считает нарушителем - самого X. или нет. В последнем случае нельзя говорить о том, что негативная информация относится именно к нему.

Итак, фактологический вопрос *Что он сделал?* позволяет выделить фактологическую и нефактологическую части не-

гативной информации, содержащейся в высказывании. Нефактологическая часть негативных высказываний всегда представляет собой мнение и не верифицируема. В фактологической же части могут находиться не только верифицируемые, но и не верифицируемые или же частично верифицируемые утверждения, также способные отвечать на диагностический вопрос (ср. предположение о намерении: *Что он сделал?* – *Он решил меня ограбить*). Поэтому далее необходима дополнительная проверка всей фактологической информации на верифицируемость.

Верифицируемость фактологической информации

(выделение собственно фактов)

«Факт», в рамках обсуждаемой экспертной задачи и предлагаемого подхода, - это способная проверяться на достоверность часть утверждений о совершённом. В связи с этим возникает вопрос о лингвистических признаках, свидетельствующих о потенциальной верифицируемости сообщения.

В работах отдельных лингвистов высказывается сомнение в том, что проверка на верифицируемость может проводиться лингвистическими методами и, соответственно, входит в компетенцию лингвиста. Так, например, К.И. Бринев в своей монографии пишет следующее: «очевидно, что критерий определения потенциальной проверяемости высказывания не входит в компетенцию лингвиста-эксперта, более того, в теории познания проблема верифицируемости не является решенной, так что обыденные представления лингвиста о том, что верифицируемо, что нет, вряд ли могут являться надежным источником решения вопроса о квалификации высказывания в аспекте его принадлежности к высказываниям о фактах или оценочным суждениям» [4].

Эта позиция отражает объективную трудность задачи и наличие здесь большого числа сложных случаев. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что у лингвистов есть только обыденное представление о верифицируемом и что современная лингвистика не обладает научными понятиями, позволяющими анализировать потенциальную верифицируемость сообщаемого. Чтобы оценивать сделанные утверждения с этой точки зрения и при этом оставаться в границах лингвистической компетенции, нужно определить, какие собственно линг-

вистические свойства соотносятся с понятием «верифицируемость» и делают потенциально возможной проверку на достоверность.

К числу наиболее очевидных свойств этого типа относятся *конкретность* и *наблюдаемость* события, о совершённости которого сообщается в утверждении. Конкретность информации о совершённом лингвистически проявляется в следующем: (а) совершённое описано в той или иной мере, т.е. адресату назван хотя бы тип имевшей место ситуации, сделанного; (б) оно локализовано во времени, т.е. произошло в какой-то момент времени или повторялось какое-то ограниченное число раз (см. лингвистическое понятие «конкретно-референтный контекст»). Под наблюдаемостью имеется в виду сообщение о таком событии, которое может быть зафиксировано в результате внешнего наблюдения, «засвидетельствовано».

Сочетание этих двух свойств позволяет выделить в фактологической информации, т.е. информации, выявленной с помощью вопроса типа *Что Х. сделал плохого?*, следующие основные подтипы, по-разному ведущие себя в отношении верифицируемости:

1. подразумевание существования какого-то факта;
2. описание конкретного потенциально наблюдаемого факта;
3. описание событий внутреннего мира человека («чтение мыслей»);
4. описание сделанного через его юридическую квалификацию (объективированная оценка факта);
5. обобщение конкретного факта («фактоид»).

С **подразумеваемым существованием** факта мы сталкиваемся в оценочных утверждениях, в которых из оценки нельзя вывести, что именно было сделано. Наличие факта либо выступает как условие осмысленности, пресуппозиция (ср.: *Он негодяй*); либо о нем прямо заявляется, но какое-либо описание сделанного отсутствует (ср.: *Он совершил подлость*; *Он мне навредил*). Полная неопианность совершённого делает распространённое утверждение непроверяемым на достоверность.

Сказанное требует некоторого пояснения. Определённый потенциал последующей верифицируемости есть у любой фактологической информации. Так, ответчик, на которого по закону возлагается обя-

занность доказывать «порочащие» утверждения, имеет возможность в суде пояснить и уточнить, какие именно действия он имел в виду, т.е. доопределить совершённое. То есть утверждение «Он сделал нечто», содержащееся в *Он подлец*, может затем конкретизироваться и доказываться в суде. Ср.: *Что именно он сделал? - Он меня обманул*. Однако эксперт имеет дело только с **распространёнными** сведениями, т.е. только с утверждениями, содержащимися в самом спорном тексте. И если в этих утверждениях нет описания совершённого, значит, о распространении утверждений о фактах вряд ли можно говорить. Обязательную фактологическую составляющую в таких случаях можно игнорировать, а сами эти высказывания целиком относить к области мнения.

Во втором типе фактологической информации - **описании конкретного потенциально наблюдаемого факта** - критерии конкретности сообщения о совершённом выполняются. То есть то, что негативно оценивается, описано с большей или меньшей степенью подробности, и речь идет о частном, локализованном во времени событии. Кроме этого, выдерживается критерий наблюдаемости. Его важность можно оценить, сравнив два высказывания (1) *Он сказал, что ...* и (2) *Он решил, что...* Они различаются тем, события какой смысловой сферы в них описываются.

Понятие «смысловая сфера» является одним из центральных в современной лингвистической семантике. Оно используется как базовое, в частности, при описании типов пропозиций. Выделяются три основные смысловые сферы: *физическая сфера*, *внутренний мир* человека (его психика, эмоции, интеллект); *социальная сфера*. Первичной является физическая сфера: «ей принадлежит и человек как существо, и материальные предметы, в том числе и артефакты... Другие же сферы вторичны и существуют постольку, поскольку существует человек...» [5]. Наблюдаемо то, что относится в физической сфере. Остальные две сферы проявляют себя именно через события в физическом мире. Так, о мыслях и чувствах другого лица мы можем догадываться только на основе анализа их внешних проявлений. Поэтому в предложениях типа *Он задумал меня обокрасть*; *Вот тогда-то он меня и возненавидел*; *Он понял, что... и решил...*; *Он жутко разозлился...* излагается наша интерпретация этого поведения, т.е. мнение о чужом внутреннем мире, сделан-

ная на основе фактов мира физического. Она не подлежит проверке в силу принципиальной ненаблюдаемости событий в сфере внутреннего мира человека и представляет собой то, что можно назвать «чтением мыслей». В силу ненаблюдаемости «чтение мыслей», несмотря на присутствие в нем компонента «совершенности», можно целиком относить к области мнения. По той же причине не верифицируемы и утверждения о собственных мыслях и чувствах – отсутствует внешний наблюдатель, который мог бы их зафиксировать и подтвердить.

Итак, содержание утверждений, сообщающих верифицируемые факты, должно быть не только конкретным, но и наблюдаемым, т.е. описывать события и признаки **физической сферы**. Такое содержание передается с помощью пропозиций следующих основных типов: физического состояния (*он был пьян*), физического действия (*он ударил, убил*), физического восприятия (*он видел, слышал*), речи (*он сказал, что*), движения (*он ездил*), физического существования, местоположения, обладания (*он был там, он находился в..., он имеет дачу*). Кроме того, конкретный и наблюдаемый характер может носить информация, передаваемая при «анкетной характеристике» лица. С помощью пропозиций этого типа происходит «приписывание актанту признаков из присущего ему набора» [5]. В число наблюдаемых «анкетных» признаков могут входить как физические, так и социальные, но фиксируемые «физически». Ср.: возраст, пол, семейное положение, рост, профессия, наличие судимости и пр. Наблюдаемость этих признаков осуществляется через фиксацию в соответствующих документах, с помощью которых они могут быть проверены.

Потребность в оценке пропозиций с точки зрения их способности описывать конкретные факты очевидна. Не случайно С.А. Кузнецов, рассматривая проблему мнения и факта, выделяет особую группу «пропозиций факта». Сюда он относит «физические факты (действия, поступки, деятельность конкретных людей, природные процессы с определенным пространственно-временным континуумом), социальные факты (события, ситуации, не зависящие от воли одного человека, случившиеся в определенном пространственно-временном континууме), бытийные факты (утверждения о существовании конкретного объекта с присущими ему физическими качествами), информационные факты (сообщения о ска-

занном, оглашенном, решенном каким-либо определенным физическим или юридическим лицом) и количественные данные о материально-вещественных объектах» [6]. Учет типа пропозиции может облегчить задачу выделения фактов. Так, если речь идет о речевых действиях лица, его местоположении, принадлежности ему имущества, его движении и пр., то отнести сказанное к утверждению о конкретном факте достаточно просто.

Говоря об утверждениях, описывающих совершенное, нужно особо остановиться на случаях, когда описание производится не прямо, а через оценку. Одним из регулярных способов такого имплицитного описания является отнесение лица к определенному поведенческому классу. Все эксперты сталкиваются с проблемой принятия решения по поводу предложений типа (1) *Он вор* и (2) *Он подлец*. Различие между ними заключается в степени конкретности. В случаях *Он вор, коррупционер*, и т.п. совершенное можно считать однозначно описанным – это описание содержится в имени класса: *вор* – ‘тот, кто украл’, *коррупционер* – ‘тот, кто взял взятку, откат’. Вопрос типа *Что он сделал?* здесь обычно избыточен – это и так ясно. Здесь правомерен уточняющий вопрос не о самом типе действия, а об обстоятельствах его совершения (*Что он украл? Какую, у кого он взял взятку?*). Этим данные предложения отличаются от *Он подлец!*, где имеет место только подразумевание наличия какого-то неопisanного действия (см. выше). Описанность и потенциальная наблюдаемость совершенного в случаях типа *Он вор* делает утверждение конкретным и верифицируемым. На этом основании можно говорить о том, что здесь распространяется информация о факте.

Более сложным видом описания совершенного через оценку является его **юридическая квалификация**, не сопровождаемая никаким другим описанием. Имеются в виду случаи типа *Он совершил преступление; Он пользуется своим служебным положением; Он нарушил правила* и т.п. В них, как и в случае *Он подлец; Он сделал глупость*, не сообщается однозначно, что именно сделано. Однако и о полной неопisanности совершенного говорить здесь нельзя. В отличие от этической оценки, юридическая оценка более конкретна. Она отсылает адресата к набору действий, подпадающих под названную юридическую квалификацию. Сам набор нарушений

определен, зафиксирован в юридических документах, т.е. регламентирован и в силу этого «наблюдаем». С ним в большей или меньшей степени знаком адресат. Поэтому при сообщении такой оценки в его сознании активизируются наиболее типичные (прототипические) для данного вида деяний поступки. Можно согласиться с М.А. Осадчим, который считает, что в таких случаях имеет место особый вид оценок – «объективированные». Он определяет их следующим образом: «Объективированная оценка дается в соответствии с какой-либо кодифицированной нормой и на основании кодифицированного регламента» [7].

Смысл описаний совершённого через объективированную оценку можно передать с помощью утверждений типа 'Он совершил нечто, что законом (регламентом) рассматривается как нарушение'. Доказать сказанное можно, установив, действительно ли сделанное подпадает под случаи, описанные в норме. При анализе утверждений типа *Он совершил преступление, Он преступник* очень важно определить, действительно ли речь идет о юридической оценке. Ср: *Ты себя не бережешь - это просто преступление.*

Особый тип фактологического утверждения представляет собой **обобщение конкретного факта/фактов**. Можно говорить о двух основных типах такого обобщения: (а) распространение свойств или действий лица (конкретных лиц) на всю группу; (б) совершенное единожды или ограниченное число раз интерпретируется как неограниченно повторяющееся или всегда потенциально возможное действие. В случае негативной информации оба эти вида обобщения обычно сочетаются, и имеет место общереферентный контекст. Ср.: *Банк обкрадывает своих вкладчиков; Они представляют для нас угрозу; Они убивают наших детей; Все возмущаются (=возмущенно высказываются) их действиями* и т.п.

С.А. Кузнецов называет утверждения, содержащие обобщение фактов, «фактоидами». Предлагаемое противопоставление «факт <> фактоид» представляется с экспертной точки зрения очень полезным. Факт всегда конкретен: «Утверждение о событии как о факте возможно лишь в том случае, если утверждение касается конкретных объектов или количественно ограниченных их совокупностей» [6]; «указание на факт – это всегда указание на частный случай, в котором субъектный и объектный актаны,

как и предикатный признак, конкретны» [6]. В отличие от фактов, «фактоиды лишены конкретности, они всегда содержат в себе эмпирическое обобщение» [6].

Сложность анализа фактоидов заключается в том, что само обобщение – это мнение, но в основе его лежит факт, и он описан. Обобщающие высказывания типа *Они убивают наших детей; Они крадут наши деньги* содержат и утверждение о конкретном, повторявшемся более одного раза поступке: 'кого-то из нас, наших детей они убили, обокрали, и это было не один раз'. Поэтому можно согласиться с С.А. Кузнецовым, который, считая, что фактоиды - разновидность мнения [6], одновременно указывает, что это частично истинные сведения. Ср.: «Частично истинные сведения будем называть фактоидами. Фактоиды содержат как объективные, так и субъективные элементы знания. Они верифицируются косвенно путем выделения той части информации, которая может быть проверена методами наблюдения, измерения или подтверждена экспериментально, и той ее части, которая отражает результаты интерпретирующего обобщения действительности» [6].

Доказать достоверность обобщения невозможно – речь может идти только о его обоснованности. Но проверка на достоверность распространяемого вместе с обобщением утверждения о факте, лежащем в основе обобщения, осуществима. Для этого достаточно задать вопрос типа: *Кто именно сделал названное хотя бы однажды?* Он заставляет говорящего снять актантную и временную неопределенность.

Говоря о способах описания совершённого, нельзя не затронуть проблему переносных употреблений. Если действие описано с помощью лексемы, имеющей переносное значение, приходится устанавливать, в каком значении она употреблена. Это значимо, поскольку переносное употребление указывает на установление отношений подобия между двумя разными классами лиц, ситуаций и пр., т.е. выражения мнения. Определить наличие переноса помогает анализ типа смысловой сферы. Обычно перенос осуществляется из первичной, физической сферы во вторичные, а не наоборот. Вторичность сферы внутреннего мира и социальной сферы проявляется в языке в том, «что наименования в основном предусмотрены для сферы физической, они же используются и для остальных с лексическими показателями

сфер: *психическое воздействие, помутнение ума, социальный лифт*. На симметрии сфер основано и множество метафор» [5]. Ср.: *Он убил во мне веру в справедливость* = 'он совершил нечто, что подобно убийству и т.п. Поскольку факты (если под фактами понимать только верифицируемую информацию) принадлежат сфере физической, они редко обозначаются метафорически. Обычно неоднозначные лексемы реализуют в утверждении о фактах свое прямое значение. Вряд ли можно доказать, что в *Он украл народное добро* имеет место переносное употребление слова *украсть*. Даже если поставить глагол в кавычки (*Он «украл» народное добро!*), его нужно будет понимать, скорее, как передачу чужих слов, с которыми автор не согласен, чем сравнение ситуаций, так как описывается физическая сфера и акт с соответствующей этой сфере предметной семантикой, а глагол *украсть* принадлежит именно этой сфере (пропозиция физического действия).

Итак, с верифицируемой частью фактологической информации (фактами) мы имеем дело прежде всего в случае утверждений, описывающих конкретные и потенциально наблюдаемые поступки. Утверждения о них также в имплицитном виде содержатся в обобщающих такие поступки высказываниях (см. выше «фактоиды») и высказываниях, дающих юридическую квалификацию совершённого (см. выше «объективированные оценки»). В последнем случае описание факта и способ верификации носят специфический характер и требуют проверки совершённого на вхождение в некий кодифицированный список.

Отсутствие альтернативы

А.Н. Баранов, описывая семантику формы утверждения, отмечает, что за ней стоит определенное коммуникативное намерение: выбирая эту форму, а не форму мнения и его разновидностей, говорящий сообщает, «что из нескольких возможностей имеет место некоторая одна, причем говорящий в той или иной степени берет на себя ответственность за сообщаемое ...» [3]. То есть форма утверждения (неиспользование показателей мнения) делает субъективную, оценочную информацию более категоричной.

В данном описании выделен очень важный компонент, который можно назвать «сообщением об отсутствии возможной альтернативы». Маркеры мнения всегда формируют о наличии такой альтернативы.

Факты никакой альтернативы не допускают. Однако если верифицируемую по своему типу пропозицию (*он сделал то-то*) вводит показатель мнения, то она сразу становится сообщением о мнении (ср.: *По моему мнению, он пришел сюда только в 8 часов*). В языке существуют не только маркеры возможной альтернативы, но и маркеры ее отсутствия. Их можно назвать «верификаторами», поскольку они указывают на то, что сообщаемая информация имеет истинный, достоверный характер, то есть придают утверждению статус верифицируемого факта. В качестве верификаторов, маркеров истинности выступают обычно лексические средства с семантикой знания. Одни из них используются для специального подтверждения истинности излагаемого, подкрепленности его достоверными фактами. Это прежде всего: (1) уверения в достоверности утверждения, такие как *это правда; это факт; я знаю точно, что* и т.п.; (2) заверения о наличии фактов: *у меня есть факты; я могу это доказать фактами*; (3) ссылка на всеобщее знание: *все знают, всем известно...* Другой тип верификаторов обозначает факт получения знания. Это так называемые фактологические предикаты: *оказалось, выяснилось, что; подтвердилось, обнаружилось, было установлено, доказано, узнал, догадался...; видел, слышал, как ...* и т.п.

Верификаторы несут в своей семантике утверждение о ментальном состоянии «знание». С их помощью говорящий сообщает, что располагает полной и достоверной информацией о фактах. Поэтому сопровождение даже самого субъективного сообщения верификатором означает, что в этом сообщении есть и утверждение о том, что мнение основано на достоверных фактах. Ср.: *Я узнал/оказалось, что он подлец* – 'сообщаю, что такая оценка подтвердилась достоверными фактами, базируется на них'. Утверждение о наличии достоверной и полной информации о совершённом верифицируемо – для доказательства его истинности нужно предъявить «знаемые» факты.

При анализе альтернативности/безальтернативности сообщаемого нужно обратить особое внимание на маркеры логического вывода (*следовательно, отсюда вытекает, можно сделать вывод, это значит, что..., однозначный вывод таков* и т.п.). Они похожи на верификаторы тем, что, на первый взгляд, тоже указывают на безальтернативность. Однако на самом деле само наличие логического вывода показывает

адресату, что полное знание у говорящего отсутствует и недостающие факты он вынужден восполнять путем умозаключений. Поэтому даже при указании на однозначность вывода показатели логического вывода открывают путь для альтернативных утверждений. При появлении новых фактов однозначный логический вывод может быть пересмотрен. В силу этого их относят к сфере мнения. В отличие о верификаторов, вносящих в сообщение утверждение о наличии достоверного факта, показатели логического вывода переводят любое утверждение о факте в субъективную сферу, добавляя в него возможную альтернативу. Ср.: *Он сделал это!* (утверждение о факте); *Я знаю, что он сделал это!* (верифицированное утверждение о факте) и *Я пришел к выводу, что он сделал это!* В последнем случае сообщается не об истинности утверждения «он сделал это», а о его обоснованности имеющимися на момент речи фактами.

Еще один специфический вид показателей альтернативы, который требует специальных замечаний - ссылка на источник распространяемой информации. Ср.: *как пишет...; по словам X.; говорят; по сведениям неустановленных источников; как мне сказал один человек* и т.п. Ввод источника открывает возможность информационной альтернативы и снимает ответственность с говорящего за достоверность сообщаемого. Однако само указание источника тоже является утверждением о факте, который может быть проверен на достоверность. Здесь реализуется пропозиция речевого действия ('они это сказали'), поэтому в случае полной неопределенности типа «говорят» должен доказываться факт «говoreния». Ср.: «При ссылках на слухи, толки, молву, анонимные компетентные или оперативные источники, ответчику необходимо доказать, что слухи действительно имели место, а источники существовали. В противном случае сведения о слухах и источниках подлежат опровержению» [8].

Итак, при анализе утверждений нужно обязательно учитывать, сопровождаются ли они показателями «безальтернативности/альтернативности». Если их сопровождает верификатор или ссылка на источник информации, то даже в субъективных высказываниях, передающих мнение, появляется компонент, подлежащий проверке на достоверность/недостоверность.

«Порочащая» цель сообщения информации

Экспертов не спрашивают обычно о цели сообщения негативной информации, но ее юридическая значимость очевидна. Ср. следующий комментарий к статье 152: «Для определения характера распространенных сведений судье необходимо учитывать цель и жанр публикации, контекст, в котором употреблены оспариваемые слово или фраза» [8].

Какие речевые (коммуникативные) цели могут быть значимы для суда? Исходя из того, что юристы, в отличие от лингвистов, используют термин «порочащая», а не просто «негативная» информация, можно сделать вывод о том, что их интересует в первую очередь сознательное намерение говорящего «умалить» предмет речи, т.е. ухудшить мнение о нем (как с целью последующего наказания, так и простого формирования отрицательного отношения). В обыденном сознании слово «порочить» тесно связано с ситуацией напраслины, необоснованного обвинения, очернения. Однако в юридическом понимании «порочащая информация» не обязательно лживая. Она может быть истинной (приводится, например, ситуация с разглашением информации о наличии у кого-то СПИДа). То есть значима сама выраженная коммуникативная цель сообщения негативной информации – как истинной, так и ложной. Она должна быть направлена на «умаление» чести и достоинства. Наиболее показательны здесь, очевидно, такие речевые цели, как убеждение адресата в том, что предмет речи «плохой», и его обвинение. Это важно учитывать при разграничении, например, критики и «очернения». В первом случае негативная информация - это часть анализа ситуации, направленного на ее осмысление и исправление. Во втором целью является прежде всего формирование негативного отношения к предмету речи.

Важно обратить также внимание на то, что, по мнению некоторых юристов, есть такие жанры, которые вообще исключают оценку негативной информации как порочащей. К их числу относятся обращения в соответствующие органы с просьбой проверки описываемых фактов, если они связаны с защитой человеком своих прав. Ср. следующее высказывание: «Факт обращения в компетентные органы с жалобами, в которых указаны обстоятельства, подлежащие проверке, не может рассматриваться как распространение порочащих сведений,

поскольку действия ответчика направлены на защиту своих прав» [9].

Таким образом, выявляя утверждения о негативных фактах, эксперт-лингвист должен обратить внимание и на коммуникативную цель их сообщения, выраженную в тексте (в том числе через избранный речевой жанр и/или речевой акт). Поскольку вопрос о цели при решении обсуждаемой задачи обычно перед экспертом отдельно не ставится, выраженное речевое намерение автора может анализироваться и характеризоваться в рамках вопроса о характере сообщаемой информации.

Итак, следуя изложенному подходу, сначала из негативного высказывания на основе параметра «совершенность» нужно выделить его фактологическую составляющую, затем с учетом конкретности и наблюдаемости, а также наличия/отсутствия маркеров альтернативности/безальтернативности извлечь из последней утверждения о фактах (верифицируемые утверждения). Далее нужно определить, по возможности, выраженную коммуникативную цель сообщения негативных сведений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бельчиков, Ю.А., Горбаневский М.В., Жарков И.В. *Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ*. Сборник материалов. – М.: ИПК «Информкнига», 2010. – 208 с.
2. Горбаневский М.В., ред. *Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы*. – М.: Медея, 2004. – 104 с.
3. Баранов А.Н. *Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие*. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 592 с.
4. Бринев К.И. *Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / под редакцией Н.Д. Голева*. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – 252 с.
5. Шмелева Т.В. *Синтаксис. Современный русский язык: Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения / Под ред. Л.Р. Дускаевой*. – СПб.: Питер, 2014. – 352 с.
6. Кузнецов С.А., Олейников С.М. *Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство*. – М.: Издательский дом В. Ема, 2014. – 312 с.
7. Осадчий М.А. *Русский язык на грани права: функционирование современно-*

го русского языка в условиях правовой регламентации речи. – М.: ЛИБРОКОМ, 2013. – 254 с.

8. Абова Т.Е., Кабалкина А.Ю., ред. *Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации*. В 2 т. Т. 1. Части I, II ГК РФ. Ин-т государства и права РАН. 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – 926 с.

9. Шулёпова Т.И. *Защита деловой репутации*. – [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://m.ekaterinburg.arbitr.ru/node/14364>, свободный. (Дата обращения 20.03.2016).

REFERENCES

1. Bel'chikov, Yu.A., Gorbanevskii M.V., Zharkov I.V. *Metodicheskie rekomendatsii po voprosam lingvisticheskoi ekspertizy spornykh tekstov SMI* [Methodical recommendations on questions of linguistic examination of controversial texts of mass media]. Moscow: IPK Informkniaga Publ, 2010. 208 p. (In Russ).
2. Gorbanevskii M.V., red. *Pamyatka po voprosam naznacheniya sudebnoi lingvisticheskoi ekspertizy* [Instruction concerning purpose of forensic linguistic examination]. Moscow: Medeya Publ., 2004. 104 p. (In Russ).
3. Baranov A.N. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika: uchebnoe posobie* [Linguistic examination of the text: theory and practice: education guidance]. Moscow: FLINTA: Nauka Publ., 2013. 592 p. (In Russ).
4. Brinev K.I. *Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza* [Theoretical linguistics and forensic linguistic examination]. Barnaul: AltGPA Publ., 2009. 252 p. (In Russ).
5. Shmeleva T.V. *Sintaksis. Sovremennyy russkii yazyk: Uchebnik dlya vuzov. Standart tret'ego pokoleniya* [Syntax. Modern Russian: The textbook for higher education institutions. Standard of the third generation]. St. Petersburg: Piter Publ., 2014. 352 p. (In Russ).
6. Kuznetsov S.A., Oleinikov S.M. *Ekspertnye issledovaniya po delam o priznanii informatsionnykh materialov ekstremistskimi: teoreticheskie osnovaniya i metodicheskoe rukovodstvo* [Expert researches on cases of recognition of information materials extremist: theoretical bases and methodical management]. Moscow: Izdatel'skii dom V. Ema Publ., 2014. 312 p. (In Russ).
7. Osadchii M.A. *Russkii yazyk na grani prava: funktsionirovanie sovremennogo*

russskogo yazyka v usloviyakh pravovoi reglamentatsii rechi [Russian on the verge of the right: functioning of modern Russian in the conditions of a legal regulation of the speech]. Moscow: LIBROKOM Publ, 2013. 254 p. (In Russ).

8. Abova T.E., Kabalkina A.Yu., editors. *Kommentarii k Grazhdanskomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii. T. 1. Chasti I, II GK RF. In-t gosudarstva i prava RAN* [The comment to the Civil code of the Russian Federation. Vol. 1. Parts I, II of the Civil Code of the Russian Federation. Institution of the state and rights of

the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Yurait Publ., 2011. 926 p. (In Russ).

9. Shulepova T.I. *Zashchita delovoi reputatsii* [Protection of business reputation]. Available at: <http://m.ekaterinburg.arbitr.ru/node/14364>. (Accessed 20.03.2016). (In Russ).

Сведения об авторе:

Кукушкина Ольга Владимировна

- доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Тел: 8 (495)-939-31-78; e-mail: kukush@orc.ru